

нуждается в постоянном военном присутствии Японии для поддержания там порядка. Так, в 1916 г. Окума Сигэнобу открыто заявил, что увеличение японского военного контингента на территории Китая преследует единственную цель – сохранение целостности страны, поскольку самостоятельно Китай этого сделать не может⁴⁰.

Смена японских кабинетов на протяжении 1906–1917 гг. в целом не повлияла на направление дальневосточной политики Токио. Несмотря на общность политических целей Японии и России по отдельным внешнеполитическим вопросам, Санкт-Петербургу не следовало преувеличивать значения нормализации отношений в этот период. События 1918 г. показали, что ни союзные отношения, ни формально оформивший их союзный договор не спасли русский Дальний Восток от японской агрессии. Таким образом, деятельность японской разведки в дальневосточных владениях России была частью общего плана по установлению контроля над Сибирью и Дальним Востоком. Япония только ждала удобного случая, чтобы от приготовлений и агентурной работы, осуществлявшейся на протяжении нескольких последних лет, перейти к непосредственному захвату русской территории.

Русско-японская политическая конвенция 1916 г. и ее международно-политическое значение

Э. А. Барышев

В истории русско-японских отношений первая мировая война занимает особое место. В тот период они достигли своего исторического апогея, который не был превзойден ни в прошлом, ни в дальнейшем. Тем не менее, данная тема по сей день остается «белым пятном» в отечественной историографии¹. Точка в дискуссии о целях и историческом значении сближения России и Японии до сих пор не поставлена. Исследователи не могут прийти к единому мнению о том, что же собой представляло это сближение: военно-политический союз или что-то наподобие Антанты; являлось ли оно логическим продолжением процесса, обозначившегося после 1907 г., или это было особое соглашение, продиктованное условиями первой мировой войны. Если это был военно-политический союз, то против кого он был направлен: Германии, Великобритании, Китая или США; какие цели преследовали стороны, заключая данное политическое соглашение и т. д.

Изучение русско-японского сближения во время первой мировой войны проливает дополнительный свет на историю двусторонних отношений, помогает выявить некоторые закономерности их развития, а значит, лучше понять национальные интересы современной России на Дальнем Востоке. Все это, безусловно, должно способствовать выработке более гибкого внешнеполитического курса по отношению к Японии.

* * *

Первая мировая война изменила баланс сил не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. После объявления войны Германией Россия встала перед необходимостью сосредоточения своих сил на Западном фронте. Однако для этого требовалось, прежде всего, обезопасить восточные рубежи, поскольку было неясно, как поведет себя Япония в такой ситуации. Печальный опыт русско-японской войны, начавшейся неожиданным, вероломным ударом японского флота по русским боевым соединениям на Дальнем Востоке,

⁴⁰ «Okuma Urges Army Increase». 23.06.1916. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 1.1.4.1-2. Тэйкоку сёгайкоку гайко канкэй дзассан. Нитирокан (Подборка документов по дипломатическим отношениям Японской империи с другими государствами. Японо-русские отношения).

¹ В той или иной степени проблема русско-японского сближения во время первой мировой войны исследовалась российскими учеными: Гальперин А. Англо-японский союз: 1902–1921 гг.. М., 1947; Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965; Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции: 1916 – февраль 1917 г. М., 1989; Пестушко Ю. С. Японо-русские отношения в годы первой мировой войны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2003; Молодяков В. Россия и Япония: поверх барьеров. – Неизвестные и забытые страницы русско-японских отношений (1899–1929). М., 2005.

заставлял поверить в самый худший вариант развития событий. В случае вступления Японии в войну на стороне Германии Россия должна была бы вести боевые действия на двух фронтах, что могло привести к самым непредвиденным последствиям².

К счастью, эти опасения не оправдались. 23 августа 1914 г. Япония объявила войну Германии. Сразу же после разрыва дипломатических отношений с Германией Япония направила в «южные моря» морскую эскадру для «поиска и уничтожения» германского Восточного флота, создававшего угрозу торговым интересам Великобритании и Японии, и приступила к осаде крепости Циндао, являвшейся на тот момент оплотом германского влияния в Восточной Азии. С самого начала войны Япония заняла по отношению к России достаточно дружелюбную позицию, начав поставки боеприпасов, медикаментов и сырья, столь необходимых для страны в военное время. Россия избежала войны на два фронта и могла смело перебросить размещенные на Дальнем Востоке войска на запад. Русско-японские отношения стали фактически союзническими³.

Дружественные отношения между двумя странами были закреплены подписанной 3 июля (20 июня) 1916 г. в Петрограде русско-японской политической конвенцией, содержащей в себе, помимо предназначенных для публикации «явных» статей, секретный протокол. Последний гласил буквально следующее: «Императорское российское правительство и императорское японское правительство, желая укрепить свои искренно дружеские отношения, установленные их секретными конвенциями от 30/17/VII – 1907 года, от 4/VII – 21/VI 1910 года, и от 8/VII – 25/VI 1912 года согласились в нижеследующих статьях, предназначенных дополнить указанные соглашения:

Ст. 1. Обе высокие договаривающиеся стороны, признавая, что их жизненные интересы требуют, чтобы Китай не подпал под владычество *какой-либо третьей державы* (курс. наш. – Э. Б.), враждебной России или Японии, вступят в откровенные и дружеские сношения каждый раз, когда обстоятельства того потребуют, и согласятся относительно мер, которые должны быть приняты, дабы воспрепятствовать тому, чтобы создалось подобное положение.

Ст. 2. В случае если вследствие мер, принятых по взаимному согласию, ... будет объявлена между одной из договаривающихся сторон и одной из третьих держав, подразумеваемых предшествующей статьей, война, другая договаривающаяся сторона, по просьбе (*demande*) своей союзницы, придет ей на помощь, и в таком случае каждая из высоких договаривающихся

сторон обязуется не заключать мира без предварительного согласия другой договаривающейся стороны.

Ст. 3. Условия, при которых каждая из высоких договаривающихся сторон предоставит свою вооруженную помощь другой договаривающейся стороне, как постановлено в предшествующей статье, и средства, коими эта помощь будет осуществлена, будут установлены компетентными властями двух высоких договаривающихся сторон.

Ст. 4. Твердо установлено, однако, что ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет обязана оказать своей союзнице вооруженную помощь, предусмотренную ст. 2 настоящей конвенции, *не обеспечив себе со стороны своих союзниц содействия* (курс. наш. – Э. Б.), соответствующего серьезности грозящего конфликта.

Ст. 5. Настоящая конвенция вступит в силу тотчас по подписании и сохранит силу до 14/VII 1921 года. – В случае если ни одна из высоких договаривающихся сторон не нотифицирует за 12 месяцев до наступления срока своего намерения прекратить действие конвенции, последняя сохранит обязательную силу впредь до истечения одного года, считая со дня, когда та или другая из высоких договаривающихся сторон его денонсирует.

Ст. 6. Настоящая конвенция будет храниться между двумя высокими договаривающимися сторонами в строгом секрете⁴.

Текст секретной конвенции показывает, что объектом данного соглашения являлся Китай. Стороны заключили военно-политический альянс, ставивший целью защиту интересов держав в Восточной Азии и предусматривавший совместное ведение войны с «третьей державой». В то же время выполнение условий по оказанию военной помощи ставилось в зависимость от позиции других стран-союзниц – Англии и Франции. Срок действия союзного договора был приведен в соответствие со сроком действия англо-японского договора.

Вместе с тем нужно отметить, что простой анализ текста секретного протокола не позволяет в полной мере раскрыть характер военно-политического союза, ибо документ содержит в себе немало спорных, неясных моментов. Основная проблема в интерпретации положений секретного протокола связана с неопределенностью выражения «третья держава». Ряд зарубежных исследователей⁵ утверждает, что здесь подразумевается Германия, однако такая интерпретация кажется преднамеренно нарочитой и слишком поверхностной, ибо неясно: 1) зачем нужно было заключать секретное соглашение именно против Германии, с которой Россия и Япония уже находились в состоянии войны; 2) почему в таком случае стороны прямо не указали Германию в качестве предполагаемого противника; 3) почему

² См.: *Асида Хитоси*. Какумэй дзэнъя но Росиа (Россия накануне революции). Токио, 1950, с. 39.

³ См.: *Полумордвинов М.* О влиянии современных мировых событий на положение дел в Дальневосточных странах. – *Вестник Азии*. 1915, № 31–32, с.10, 20–21; *Штейнфельд Н. П.* Новый фазис русско-японских отношений – *Вестник Азии*. 1915, № 31–32, с.57; *Вонсович И. И.* Русско-японское торговое сближение и меры к его развитию. – *Вестник торгово-справочного бюро*. 1916, №1, с.19–21; Нитиро бэки (Русско-японская торговля). Дайрэн: управление Квантунского генерал-губернаторства. 1916, с.1–2.

⁴ *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1926). М., 1927, с.191–192.

⁵ См.: *Berton Peter A.* The Secret Russo-Japanese Alliance of 1916. Doctoral Dissertation (Columbia University). 1956, p.258.

оказание взаимной помощи ставилось в зависимость от «содействия стран-союзниц»?

Очевидно, что неопределенность понятия «третья держава» имела под собой веские основания. Внимательное рассмотрение общественно-политических условий, в которых была заключена русско-японская конвенция, позволяет, на наш взгляд, прояснить эти вопросы и расставить все точки над *i*.

Положения русско-японской конвенции, официально опубликованные 7 июля 1916 г., имели достаточно умеренный характер и не выходили за рамки русско-японской «Антанты». Открытый текст договора гласил: «Российское и японское правительства, решив объединить свои усилия для поддержания постоянного мира на Дальнем Востоке, условливаются в нижеследующем:

Статья 1. Россия не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленном против Японии. Япония не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленном против России.

Статья 2. В случае если бы что-либо грозило территориальным правам или особым интересам на Дальнем Востоке одной из договаривающихся сторон, признанной другой договаривающейся стороной, Россия и Япония согласятся между собою относительно мер, которые они примут в видах оказания друг другу поддержки и содействия для охраны и защиты сказанных прав и интересов»⁶.

Тем не менее, обтекаемые дипломатические формулы официального соглашения устраивали, по-видимому, далеко не всех. Информация о готовящемся подписании секретного русско-японского договора каким-то образом просочилась в японскую прессу, и этот факт стал активно обсуждаться еще задолго до официальной публикации соглашения. Газета «Нити-нити», отражавшая взгляды и интересы военного ведомства, уже 5 апреля 1916 г. сообщала «из достоверных источников», что «Россия и Япония пришли к согласию заключить союзный договор на следующих условиях.

1. Россия соглашается уступить Японии ветвь Китайской Восточной железной дороги к северу от Чаньчуня до пункта несколько южнее Харбина.

2. Япония соглашается снабжать Россию оружием и припасами до предельного размера ее производительной способности до конца войны с Германией и Австрией.

3. Россия соглашается предоставить льготы японцам, которые пожелают заняться земледелием, торговлей и промышленностью в Восточной Сибири, на северном Сахалине и в зоне Китайской Восточной железной дороги, а также в Северной Маньчжурии.

4. Россия открывает во Владивостоке коммерческий порт и отказывается от каких бы то ни было военных приготовлений, так как таковые могли бы вызвать недоразумения с Японией.

⁶ Цит. по: Русско-японская политическая конвенция. – Утро России. 24.06.1916, с. 3; см. также: Приамурские ведомости. 25.06.1916, с. 5–6.; Позднеев Д. Русско-японское соглашение. – Приамурские ведомости. 16.07.1916, с.3.

5. Япония и Россия обязуются взаимно уважать их интересы в Маньчжурии и Монголии, и если произойдут какие-либо беспорядки в сфере влияния России во время войны с Германией и Австрией, Япония принимает на себя восстановление порядка по просьбе России.

В случае если Япония предпримет необходимые действия в Китае с целью сохранения мира, не нарушая принципа неприкосновенности Китая и одинакового благоприятствования в нем, Россия признает за Японией свободу таковых действий, и в случае вмешательства третьей державы Россия действует в кооперации с Японией»⁷.

Газета «Иомиури», находившаяся в руках японского посла в России и будущего министра иностранных дел в кабинете Тэраути Мотоно Итиро (1862–1918), являвшегося одной из главных движущих сил русско-японского сближения в указанный период, 30 июня 1916 г. сообщила о предстоящем подписании русско-японского соглашения, поместив предполагаемые статьи нового договора и описав достаточно подробно ход предшествующих переговоров.

Договор, хотя и заключаемый в виде «политической конвенции» («Антанты», или «согласия», как тогда говорилось), определялся в этой статье в качестве наступательно-оборонительного «военно-политического союза» (альянса). Указывалось на то, что Россия и Япония, подписывая данный документ, согласились принять совместные меры в случае угрозы их интересам в Китае и договорились о взаимном предоставлении режима благоприятствования в Маньчжурии и Монголии. При этом говорилось о том, что «связь нового соглашения с существующими англо-японским и русско-французским союзами остается неясной». Кроме того, утверждалось, что в новой конвенции будет зафиксирована уступка Россией Японии части КВЖД от станции Куанченцзы до Сунгари II⁸, разрешение судоходства по р. Сунгари, а также пункт об обязательствах японской стороны относительно поставок оружия и боеприпасов⁹.

Японские власти, естественно, отрицали существование каких бы то ни было секретных статей, однако многие органы японской периодической печати поспешили поместить в своих номерах предполагаемые варианты тайной русско-японской конвенции и пытались достаточно широко и вольно трактовать положения новой русско-японской конвенции. Если умеренно либеральная «Дзидзи симпо» рассматривала соглашение всего лишь как подготовку к настоящему «союзу», то газеты «Хоти», «Токио Асахи», «Нити-нити» и «Иомиури» прямо называли его наступательно-оборонительным

⁷ Цит. по: Межуев Л. Русско-японское соглашение. – Вестник Азии: Журнал общества русских ориенталистов. Харбин, 1916, № 38–39, с.11–12.

⁸ Под названием «Сунгари II» в то время был известен мост через р. Сунгари, находящийся между станциями Таолайчжао и Лаошаогоу; «Сунгари I» – мост через ту же реку в Харбине.

⁹ Нитиро кёяку сэйрицу: Кёяку найё то тэйкэцу кэйка (Подписание японско-русской конвенции: Содержание и ход переговоров). – Иомиури симбун. 30.06.1916, с. 2.

военно-политическим альянсом. В японской периодической печати по отношению к новому соглашению прочно закрепился термин «союз».

Таким образом, несмотря на тот факт, что российско-японский союзный договор имел секретный характер, и шестая статья протокола обязывала стороны хранить его содержание в строжайшей тайне, японская сторона по какой-то причине была заинтересована в обнародовании самого факта заключения секретного «союзного» договора и части его статей.

По-видимому, кампания, развернувшаяся в японской прессе весной и летом 1916 г., преследовала две цели. Во-первых, она призвана была консолидировать общественное мнение, разжечь националистические настроения, и тем самым оказать давление на российскую сторону во время последующих переговоров о «компенсации», которую Россия должна была «выплатить» Японии за «неприкосновенность российских дальневосточных границ». В этом смысле японская дипломатия использовала свой излюбленный и уже проверенный на деле прием. Во-вторых, и это крайне важно для понимания сути русско-японской конвенции 1916 г., данная кампания выступала ничем иным, как инструментом давления на другие державы с целью укрепления международно-политического положения Японии.

Англо-японский альянс, заключенный в 1902 г. в преддверии русско-японской войны, оставался и в 1914 г. стержнем внешнеполитической доктрины Японии. Широкие либерально-политические силы Японии, определявшие в начальный период войны характер своей дипломатии, стояли за сохранение этой пробританской ориентации. В этих условиях проблема российско-японского сближения была самым непосредственным образом связана с вопросом о будущем англо-японского союза.

Было ясно, что на время первой мировой войны Англия, Франция, Япония и Россия связаны прочными узами сотрудничества: им удалось сплотиться перед лицом общей угрозы со стороны Германии. Однако никто не мог гарантировать того, что такое положение вещей сохранится и после разгрома «германского милитаризма». «Что будет дальше?» – все пытались дать ответ на этот важнейший вопрос дня. Здравая логика, знание политической ситуации и опыт подсказывали многим, что такая комбинация хрупка и недолговечна.

Не трудно было предположить, что в случае победы стран Антанты и исчезновения с мировой арены Германии международная ситуация могла бы вернуться к тому положению, которое предшествовало русско-японской войне, а именно, к новому витку англо-русского соперничества. Россия, хотя и серьезно ослабленная поражением в войне 1904–1905 гг. и первой русской революцией, с началом мировой войны снова продемонстрировала свою недюжинную силу, которую рано было списывать со счетов мировой политики. Что же делать Японии в случае возобновления противостояния между Россией и Британией? В каком положении очутится Япония, если мир снова будет свидетелем продолжения Великой Игры (the Great Game) в центре евразийского континента?

Большая часть японских политиков и общественных деятелей считала, что необходимо, во что бы то ни стало, избежать столкновения международных обязательств Японии, исходящих из положений англо-японского союзного договора и нового русско-японского соглашения. Иными словами, по мнению многих, Японии следовало оговорить для себя возможность соблюдения нейтралитета в случае англо-русского конфликта. Это могло быть возможно лишь в том случае, если русско-японское соглашение имело бы второстепенный по отношению к англо-японскому союзу характер¹⁰.

Либерально настроенные политики, не желавшие менять внешнеполитические ориентиры, считали, что русско-японская конвенция является не более чем продолжением и прямым следствием тесных отношений, сложившихся между странами Антанты. Русско-японское соглашение с их точки зрения являлось еще одним шагом вперед по сравнению с присоединением Японии к Лондонской декларации. Оно вводило Японию на полных правах в состав антигерманской коалиции, создавая тем самым благоприятные условия для ее активного и непосредственного участия в подготовке будущего мирного договора с державами оси. Общественно-политические деятели либерального крыла подчеркивали тот факт, что договор имел характер «согласия», а не военно-политического союза, закрывая глаза на слухи о существовании секретного протокола. Они считали, что новое русско-японское соглашение никоим образом не противоречит положениям англо-японского союзного договора, и что последний по-прежнему остается неизменным стержнем внешнеполитического курса Японии¹¹.

Бывший министр иностранных дел Като Такааки (1860–1926), олицетворявший собой позицию этих проанглийски настроенных либеральных сил, писал по случаю заключения новой русско-японской конвенции: «Всем сведущим людям должно быть известно, что я никогда не выступал против заключения русско-японского соглашения. Я всего лишь никогда не соглашусь с теми, кто предлагает аннулировать англо-японский союзный договор и заменить его другим политическим альянсом... В силу того, что и сегодня англо-японский союз в действительности является стержнем японской дипломатии, я вынужден последовательно выступать против любых соглашений с другими странами, вступающих с ним в противоречие. Заключенное только что русско-японское соглашение не только не противоречит англо-японскому альянсу, но, наоборот, полностью совпадает с его

¹⁰ Кёяку какудзё но иги то оё: Тюи субэки нитиэй домэй то но канкэй. Кёкуто нару ханьи то коги нару сёнин (Смысл и применение статей соглашения. Требуемое пристального внимания отношение договора к англо-японскому союзу. Сфера Дальнего Востока и широкое толкование соглашения) – Нитиро дзицугё симпо. 15.07.1916, с.39–40.

¹¹ Суэхиро Сигэо. Нитиро син-кёяку хихё (Оценка нового русско-японского соглашения). – Гайко дзихо. 01.08.1916, с.7–12; Тами Сакумаро. Домэй то кёсё (Союз и Антанта) – Гайко дзихо. 15.08.1916, с.1–14; Ёсино Сакудзо. Кёсё ва ёси, домэй ва фуё (Антанта – возможна, союз – не нужен). – Тюо-корон. 01.10.1915, с.74–75.

основной линией и даже дополняет его, поэтому мне остается лишь горячо и от всей души приветствовать его подписание»¹².

Взгляды либерально настроенной общественности нашли широкое отражение на страницах периодической печати. Основанная Фукудзава Юкити «Дзидзи симпо», принадлежавшая Като Такааки «Кокумин», контролируемая премьер-министром Окума «Хоти» утверждали, что заключение русско-японского соглашения, усиливая связи сотрудничества между странами Антанты, в частности между англо-японским и франко-русским союзами, минимизирует угрозу подписания российско-германского сепаратного мира, слухи о котором волновали японскую общественность.

В то же время в Японии существовали силы, которые рассматривали заключение русско-японского соглашения как символ новой независимой японской дипломатии, выходящей далеко за рамки англо-японского союзного договора.

Начало первой мировой войны ускорило процесс русско-японского сближения и породило дискуссию о русско-японском союзе, инициаторами которой стали члены Совета старейшин (*гэиро*), являвшиеся на тот момент фактическими правителями Японии. 21 февраля 1915 г. на стол премьер-министра графа Окума легла записка, составленная генерал-фельдмаршалом Ямагата Аритомо (1838–1922) и подписанная остальными членами Совета старейшин – Ояма Ивао (1842–1916), Мацуката Масаёси (1835–1924) и Иноуэ Каору (1835–1915). В этой записке настойчиво рекомендовалось приложить силы к заключению русско-японского союзного договора.

Старейшины полагали, что после окончания войны в мире произойдет неминуемое обострение отношений между белой и желтой расами, и предлагали в качестве «политической меры, направленной на предотвращение формирования “белой” коалиции», заключить русско-японский союзный договор. По их мнению, сохранить мир в Восточной Азии исключительно на основе англо-японского союза было невозможно, поэтому считалось необходимым дополнить его заключением подобного русско-японского союза. Эти политики небезосновательно полагали, что во время войны Англия за неимением ни сил, ни сколько-нибудь серьезных контраргументов, не сможет противодействовать русско-японскому сближению. Говорилось, что в случае каких-либо возражений против термина «союз», следует формально сохранить название «согласие». При этом *гэиро* подчеркивали, что новое соглашение должно включить в себя следующую фразу: «Договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу взаимную помощь, если одной из них будет объявлена война со стороны третьей державы, как в случае обороны, так и нападения». Иными словами, старейшины считали, что вне зависимости от названия соглашения оно должно было иметь характер «союза», или военно-политического альянса¹³.

¹² *Като Такааки*. Нитиро син-кёяку то нитэй домэй (Новое русско-японское соглашение и англо-японский союз). – Доси. 15.08.1916, т.1, №5, с.1–3.

¹³ *Ямагата Аритомо*. Нитиро домэй-рон (Теория русско-японского союза) – Ямагата Аритомо икэнсё (Памятные записки Ямагата Аритомо). Токио, 1966, с.345–348; *Мацумото*

С весны 1915 г. на страницах японских газет и журналов все настойчивее критикуется близорукая «проанглийская» политика правительства Окума. Старейшины переходят к активным действиям по смещению Като Такааки, основного противника идеи русско-японского союза, с поста министра иностранных дел¹⁴. В августе 1915 г. эти усилия увенчались успехом, и на место «своенравного» Като был назначен более податливый Исии Кикудзи (занимал данный пост с октября 1915 по октябрь 1916 г.). Это открыло путь к дальнейшей конкретизации курса на русско-японское сближение и подстегнуло критику существующего англо-японского военно-политического союза.

С конца 1915 в японской прессе разворачивается широкая кампания против англо-японского альянса. В периодической печати все чаще и настойчивее поднимается вопрос о его скорейшем пересмотре в качестве необходимого условия независимого положения Японии в мировой политике. Некоторые политики и общественные деятели стали утверждать, что англо-японский союз, заключенный с тем, чтобы остановить «русскую экспансию» на Дальнем Востоке, уже выполнил свое назначение и должен уйти в небытие. Они заявляли, что необходимость в английском посредничестве отпала, поскольку русско-японские отношения регулируются несколькими политическими конвенциями. Отдельные публицисты начали называть англо-японский союз «странным», «неравным» и «односторонним». В сложившейся ситуации русско-японский союз стал восприниматься как определенная альтернатива англо-японскому альянсу¹⁵.

Умеренно националистические силы, включая так называемых «русифилов», хотя официально и заявляли, что «русско-японский союз» не противоречит положениям англо-японского договора, в то же время явно пытались противопоставлять их друг другу, демонстрируя независимый характер японской дипломатии. Они утверждали, что заключение русско-японского «союзного договора» означает создание системы «двойных гарантий»: безопасность Японии будет впредь обеспечиваться двумя союзами – с «морской» Великобританией и «континентальной» Россией¹⁶.

Tadao. Кинсэй нихон гайко-си кэнкю (Исследования по истории японской дипломатии нового времени). Токио, 1942, с. 169–177. См. также: *Berton Peter A.* The Secret Russo-Japanese Alliance of 1916, p. 119–120, 140–144; *Hackett Roger F.*, Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922 (Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1971), p. 291–300.

¹⁴ Нитиро домэй то Окума найкаку (Русско-японский союз и кабинет министров Окума) – Гайко дзихо. 15.03.1915, с. 1–4.

¹⁵ *Асада Косон*. Нитэй домэй но како то сёрай (Прошлое и будущее англо-японского союза) – Тайё. 01.03.1916, с. 2–19; *Тояма Мицуру*. Нитэй домэй ва хэнмэй да (Англо-японский союз – «странный союз») и *Томидзу Хирондо*. Нитэйро но тэнмэн-сакусю о ика (О сложном переплетении англо-русско-японских интересов). – Нитиро син-кёяку-рон (Теория нового русско-японского соглашения). – Кодзуй иго. 1916, апрель, №11, с. 6–9; *Coleman F.* The Far East Unveiled: an Inner History of Events in Japan and China in the Year 1916. London–New York, Cassel, 1918, p. 17–22.

¹⁶ *Накасёдзи Рэн*. Рикю-ро кай-эй саку (Политика курса на континентальную Россию и морскую Англию). – «Нитиро домэй-рон но кати» («О значении теории русско-японского союза»). – Тайё. 01.01.1915, с. 107–109.

Националисты подходили к оценке политической конвенции не с точки зрения формальной логики международного права, как это делали либерально настроенные политики, а с точки зрения общей международно-политической ситуации. Признавая существование секретных статей, они рассматривали настоящий договор в качестве оборонительного союза, ставящего своей целью охрану японо-русских интересов в Китае. Эта часть политиков предпочитала не ограничивать действие договора лишь борьбой с Германией, подчеркивая, что он может быть применен против «любых врагов». Ясно, что под последними подразумевались, прежде всего, Соединенные Штаты¹⁷.

Сторонники русско-японского союза, представлявшие собой радикально-консервативное крыло японской политической элиты, которая отражала главным образом интересы военного и военно-морского министерств, воспринимали новую русско-японскую конвенцию не только как серьезный инструмент давления на Великобританию, сковывавшую внешнеполитические инициативы Японии. Они также рассматривали конвенцию в качестве сильной и эффективной меры противодействия политике американского доллара в Китае, которая открывала путь активному проведению «южной политики» и, как следствие, решению «тихоокеанской проблемы»¹⁸.

Бывший председатель японского парламента, один из лидеров партии Сэйюкай, Ока Икудзо (1856–1928) описывал русско-японские отношения как «родственные отношения между аристократом и помещиком». В то же время англо-японский союз напоминал, по его мнению, неравный «брак между старым самураем и крупным купцом». Томидзу Хирондо (1861–1935), проявивший себя во время русско-японской войны как один из активных сторонников борьбы с «северным соседом», высоко оценивал значение нового русско-японского соглашения, полагая, что в будущем оно может пригодиться в случае конфликта с США. С нескрываемым оптимизмом смотрел на русско-японское сближение один из виднейших представителей национально-патриотических сил Утида Рёхэй (1874–1937)¹⁹.

Приветствовали заключение русско-японского «союзного договора» и «германофилы», видя в нем, как это ни парадоксально, возможность будущего японо-германского сближения. Они видели в новой русско-японской конвенции желание прогермански настроенных российских политиков

заключить сепаратный мирный договор с Германией. Только так, на их взгляд, можно было объяснить ее смысл и значение.

Известный журналист Каяхара Кадзан (1870–1952), пользовавшийся доверием таких влиятельнейших фигур японской политики, как генерал-фельдмаршал Ямагата и барон Гото Симпэй (1857–1929), усматривая за русско-японским соглашением тень японско-русско-германского союза, писал: «А что, если Россия уже имеет договоренность с Германией, и русско-японское соглашение было подписано в качестве предпосылки к заключению русско-германского сепаратного мирного договора и предпосылки к созданию японско-русско-германского союза? Если это так, нужно признать чрезвычайную дальновидность такой дипломатической стратегии. Это означает то, что намечается интересная драма, в ходе которой Япония, Россия и Германия собираются разделить между собой наследие Британской империи. Для этого Россия, получив свободу действия в Персии и Индии, должна, прежде всего, заручиться словом Германии не заключать договоров, направленных против нее. Заручилась ли Россия поддержкой Германии? ... В это нельзя легко поверить. Однако если в это нельзя поверить, русско-японское соглашение не имеет большого смысла»²⁰.

С точки зрения Каяхара русско-японское соглашение фактически объявило, что «США являются врагом Японии», а «Англия является врагом России», и в этом смысле оно должно хотя бы временно сблизить интересы США, Великобритании и Германии. Именно поэтому Россия и Япония для того, чтобы избежать международной изоляции, должны будут включить в свой союз Германию. Каяхара полагал, что в этом русско-японском сближении, которое, по его мнению, открывало путь к заключению после войны тройственного японо-русско-германского союза, кроются ростки нового международного порядка, который должен родиться из лона первой мировой войны²¹.

«Германофилы» считали, что расширение экспансии Японии на Дальний Восток и в южном направлении неминуемо приведет к столкновению с британскими интересами и что Япония стоит перед необходимостью заключения нового тройственного японско-русско-германского альянса. По их мнению, Япония, Россия и Германия, объединив свои силы, должны осуществить новый передел мира. В японской прессе началось обсуждение и возможного раздела сфер влияния: Японии отводилась зона Дальнего Востока, России – территории Ближнего Востока, примыкающие к Персидскому заливу, Германии – Балканы. Таким образом, предполагалось, что тройственный блок будет направлен, прежде всего, на борьбу с Великобританией.

¹⁷ Уката Кадзутами. Нитиро син-кёяку то тэйкоку но симэй (Новое русско-японское соглашение и миссия империи). – Тайё. 01.09.1916, с. 2–14; Сибусава Эйити. Нитиро син-кёяку кангэй (Приветствуя новое русско-японское соглашение). – Нитиро дзицугё симпо. 15.08.1916, с. 4; Гото Симпэй. Нитиро кёяку ва нитиэй домэй но какутё нари (Русско-японское соглашение – продолжение англо-японского альянса). – Нитиро дзицугё симпо. 15.08.1916, с. 5; Макино Ёситомо. Нитиро син-кёяку (Новое русско-японское соглашение). – Тайё. 01.08.1916, с. 81–85.

¹⁸ См.: Уката Кадзутами. Нитиро син-кёяку то тайхэйё мондай (Новое русско-японское соглашение и тихоокеанская проблема). – Тайё. 28.09.1916, с. 2–13.

¹⁹ Утида Рёхэй. Нитиро синдзэн но соин (Предпосылки русско-японской дружбы). – Нитиро дзицугё симпо, 15.07.1916, с. 15–16.

²⁰ Каяхара Кадзан. Нитиро кёяку то кокусай сэйкёку но хэнка (Русско-японское соглашение и изменение международной ситуации). – Нихон хёрон. 01.08.1916, с. 7.

²¹ Там же, с. 4–8; Нинагава Арата. Родоку моси тандоку кова сэба (Если Россия и Германия заключат сепаратный мир). – Гайко. 01.01.1917, с. 13–16.

По мнению многих, в результате создания такого альянса, «хозяйка морей» будет наконец-то наказана и окажется в международной изоляции²².

Вместе с тем подразумевалось, что тройственный союз должен одновременно действовать и против Соединенных Штатов. В условиях, когда тихоокеанская проблема грозила вот-вот перерасти в военный конфликт, было ясно, что наибольшие опасения в связи с заключением русско-японского союзного договора испытывает не Лондон, а именно Вашингтон. В случае возникновения американо-японского конфликта тройственный союз мог бы сослужить Японии хорошую службу: Германия и Россия прикрыли бы своим щитом Японию, и США, в конце концов, были бы вынуждены уйти из Китая.

После заключения русско-японской политической конвенции 3 июля 1916 г. разговоры о японско-русско-германском сближении еще более усиливаются. Через две недели после этого в России с поста министра иностранных дел уходит Сазонов, известный своими симпатиями к «либеральным демократиям» и последовательно проводивший на протяжении многих лет политику, направленную на углубление добрососедских отношений с Японией в рамках Антанты. На его место назначается известный своими консервативными взглядами Штюрмер²³. Это было воспринято во всем мире как усиление «германофилов» во внутренней политике России.

Сторонники японско-русско-германского сближения яростно критиковали позицию кабинета министров Окума, якобы не замечающего несовместимости англо-японского и русско-японского союзов и наивно полагающего, что такая политика «двойных гарантий» может быть плодотворной. В октябре 1916 г. их деятельность по смещению кабинета министров Окума увенчалась успехом. В Японии была осуществлена правительственная реформа, в результате которой образовалось «надпартийное» правительство Тэраути, означавшее приход к власти консервативных сил и дальнейшее усиление роли Совета старейшин во внутренней политике Японии. Новый кабинет министров был создан по замыслу барона Гото и при непосредственном участии генерала Ямагата. В кабинете Тэраути Гото сначала занял пост министра внутренних дел, а в 1918 г. возглавил дипломатическое ведомство. Смена правительства в Японии означала переход власти от либерально настроенных «англофилов» к консервативно настроенным «германофилам»²⁴.

Фактически, к концу 1916 г. были созданы предпосылки для заключения японско-русско-германского союза. Япония была готова присоединиться к

России и Германии в случае заключения сепаратного русско-германского договора, однако все надежды на такой поворот событий рухнули в результате Февральской революции, когда к власти в России приходят либерально настроенные элементы, берущие курс на углубление отношений с Великобританией и США. Япония была вынуждена спешно перестраивать свой внешнеполитический курс и восстанавливать дружеские отношения с Соединенными Штатами.

Несмотря на то, что отношение японских политиков к русско-японскому соглашению зачастую было диаметрально противоположным, оно устраивало практически всех. Иными словами, в нем нашли отражение самые различные внешнеполитические подходы.

«Англофилы», не желавшие менять внешнеполитические ориентиры и закрывавшие глаза на слухи о существовании секретного протокола, считали, что русско-японская конвенция является неплохим дополнением к существующему англо-японскому альянсу. Ярчайшим выразителем интересов этих политических кругов являлся Като Катааки, первый министр иностранных дел в кабинете Окума. Русско-японское соглашение с их точки зрения вводило Японию на полных правах в состав антигерманской Антанты, создавая тем самым благоприятные условия для ее активного и непосредственного участия в подготовке будущего мирного договора. Общественно-политические деятели либерального крыла не забывали при каждом удобном случае подчеркивать, что российско-японская политическая конвенция 1916 г. имела характер «согласия», а не военно-политического союза.

В то же время представители национально-патриотических сил рассматривали новое русско-японское соглашение в качестве союзного договора, подчеркивая его особый характер. По их мнению, первая мировая война предоставила Японии уникальную возможность освободиться от пут англо-японского альянса, который начинал приходить в противоречие с японскими национальными интересами в Восточной Азии. Выразителями взглядов этих общественно-политических сил являлись члены Совета старейшин, в частности, генерал-фельдмаршал Ямагата. Запущенные ими кампании в периодической печати о «русско-японском союзе» и существовании секретных статей, о пересмотре англо-японского альянса, преследовавшие цель укрепления авторитета Японии в международной политике, были использованы в качестве инструмента давления на США и Англию. Это был очередной ход, направленный против политики «открытых дверей», проводимой в жизнь Вашингтоном и Лондоном.

Среди национально-патриотических сил выделялись так называемые «германофилы», влияние которых усиливалось по мере осложнения ситуации на русско-германском фронте. Эти общественно-политические силы, одним из влиятельнейших представителей которых был барон Гото Симпэй, рассматривали новое российско-японское соглашение в качестве важнейшего звена будущей японской внешнеполитической стратегии, открывавшего путь к японо-германскому сближению. Предвидя дальнейшее ослабление Британ-

²² Кэмуяма Сэнтаро. Нитиро-доку домэй-рон (Японо-русско-германский союз), с. 48–49. См. также: Сэнга Цурутато. Нитиро син-кёяку то сангоку домэй (Новое русско-японское соглашение и Тройственный союз). – Нитиро син-кёяку (Новое русско-японское соглашение). – Тайё. 01.08.1916, с. 101–103.

²³ Точнее говоря, он стал совмещать посты председателя совета министров и министра иностранных дел.

²⁴ Об образовании правительства Тэраути см.: Китаока Синъити. Гото Симпэй. Гайко то видзён (Гото Симпэй. Дипломатия и видение). Токио, 1988, с. 161–164.

ской империи, они всерьез рассматривали возможность заключения в будущем Тройственного японско-русско-германского континентального блока.

Исходя из изложенного выше, можно утверждать, что русско-японская политическая конвенция от 3 июля 1916 г., формально не выходящая за рамки антигерманской Антанты, преследовала совершенно другие цели. Вне всякого сомнения, японская сторона сознательно включила в текст секретного протокола такую неопределенную фразу, как «третья держава». Тем самым Япония получила в руки еще один козырь в борьбе с американским и британским влиянием, упрочив свои позиции в Китае и зоне Тихого океана. Именно японская сторона, в частности ее национально-патриотические силы, была заинтересована в том, чтобы придать русско-японскому соглашению союзный характер. Тем не менее, такой подход встретил сопротивление со стороны японских либерально настроенных политиков. Россия также не желала быть втянутой в японо-американский конфликт, поэтому упорно придерживалась курса на русско-японское сближение в рамках Антанты. Это нашло свое отражение в четвертой статье секретного протокола, где оказание военной помощи ставилось в зависимость от позиции стран-союзниц, что фактически лишало русско-японский союз самостоятельного значения. Тем не менее, проведение в периодической печати полномасштабной кампании по обсуждению «союзного русско-японского договора» и умелое использование слухов о существовании секретного протокола предоставили Японии дополнительные аргументы для борьбы с британским и американским влиянием в Восточной Азии. Русско-японское соглашение означало несомненное усиление роли Японии в мировой политике и уменьшение опасности ее изоляции после окончания войны.

Различные варианты интерпретации русско-японского соглашения, рассмотренные в данной статье, позволяют понять не только то, чем было это сближение, но и то, чем оно могло стать. Сложный, противоречивый характер соглашения подчеркивает неустойчивость и зыбкость международно-политической ситуации, сложившейся к середине 1916 г. Характер российско-японского сближения определялся не столько «буквой» договора, сколько пониманием того, что скрывается за ней. Русско-японское сближение готово было сравнительно легко изменить свою форму в соответствии с изменением послевоенной международной ситуации.

Восточная песня, или названия кораблей японского императорского флота

Г. Б. Брылевский

До недавнего времени японский императорский флот был для отечественных любителей военно-морской истории неизвестной величиной. Доступной информации о нем было немного, обычно приходилось довольствоваться немногочисленными работами по русско-японской войне и переводами иностранных авторов, которые трудно было найти. Сейчас литературы о японском флоте хватает, но неосвещенной остается такая, может быть, не самая актуальная, но очень интересная тема, как тематика названий японских военных кораблей. Мало кто знает, что обозначали названия кораблей одного из сильнейших флотов мира. Попробуем ответить на этот вопрос.

Прежде всего, необходимо сказать несколько слов о написании названий японских кораблей. Практически все опубликованные на русском языке работы о японском флоте основываются не на оригинальных материалах, а на переводах с других языков, в основном с английского. Это часто приводит к искажению написания японских слов, поскольку авторы, как правило, пишут их в соответствии с правилами транслитерации слов английского языка. Применительно к теме названий японских кораблей вопрос о транслитерации проиллюстрирован следующими примерами, где указаны наиболее распространенные ошибки:

Латинское написание	Правильное русское написание	Встречающееся в отечественной литературе неправильное написание
Shikishima	Сикисима	Шикишима
Chitose	Титосэ	Читосе, Читозе
Fuji	Фудзи	Фуджи
Chiyoda	Тиёда	Чийода
Yoshino	Ёсино	Йошино
Chokai	Тёкай	Чокай
Hyuga	Хюга	Хьюга
Chihaya	Тихая	Чихайя
Tsubame	Цубамэ	Тсубаме
Myoko	Мёко	Миоко
Ikazuchi	Икадзути	Иказучи
Junyo	Дзюньё	Дзюнё